

УДК 327

**КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
«РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»
(РОССИЯ – ЕС – США)**

Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова

Аннотация

Проблема коллективной идентичности – актуальный вопрос современной политической науки и международных отношений. Позитивное взаимодействие политической практики и теории региональной идентичности возможно лишь при условии совместных усилий центра и регионов. Знания о сути процесса конструирования региональной идентичности, о ее свойствах, структуре и механизмах функционирования необходимы для понимания и эффективного управления в сфере межрегиональных и международных отношений.

Стремление к пониманию, объяснению, прогнозированию тенденций развития современных социумов заставляет исследователей самых разных сфер все чаще обращаться к проблемам идентичности. С одной стороны, в условиях глобализации различных сфер жизни социума (возрастающая роль транснациональных корпораций, унификация системы норм и ценностей, развитие международного рынка труда и т. д.) получила распространение точка зрения, согласно которой изучение и само существование некоторых видов идентичностей, в том числе региональной, теряют свою актуальность. Однако практика доказывает несостоятельность подобных сомнений. Наряду с объединительными тенденциями активно проявляются «обособленческие». Повсеместно наблюдается деление на Своих-Чужих по самым разным основаниям (национальному, этническому, политическому, экономическому, по месту проживания и т. д.). А именно Свои и Чужие выступают ядром коллективной идентичности, когда под коллективной идентичностью понимается осознание группой своей отличительности от Чужих и солидарности Своих. Борьба между Своими и Чужими выступает одновременно и основой, и результатом различных сепаратистских процессов, развития регионализма, распространения всевозможных социальных конфликтов (остро звучат вопросы о диаспорах, национальных меньшинствах, притеснениях на этнической, религиозной, политической почве) и т. д. Достаточно часто современный регионализм является реакцией против глобализации. Глобализация – это лишь одна из причин обострения региональных конфликтов, но сопутствующая ей информационная прозрачность делает их доступными для широкой аудитории, что способствует их усугублению.

В современной системе международных отношений региональная идентичность активно воспроизводится как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Более того, существует взаимосвязь между системой международных отношений и идентичностью. С одной стороны, дискурс международных отношений часто прибегает к феномену коллективной идентичности. Так, американская нация и их союзники объединяется в борьбе против Врага: фальшивая доктрина исламской чистоты вдохновляет тоталитарную идеологию власти и доминирования. В своих безжалостных, жестоких и глобальных устремлениях она напоминает нацистскую и коммунистическую идеологии. Чтобы победить Америку, экстремисты вначале стремятся изгнать Вашингтон из внешнего мира. В конечном итоге они надеются на то, что та Америка, которая существует сегодня, рухнет. И чтобы достичь этой цели, они готовы уничтожить любое количество американцев [1]. Более того, дискурс международных отношений оказывает существенное влияние на процессы конструирования различных видов Своих-Чужих. Достаточно вспомнить, как менялся образ С. Хусейна в глазах американцев. Его фигура прошла эволюцию от борца за свободу, которому необходимо помогать, до воплощения Зла для США в целом регионе. С другой стороны, существует обратная зависимость: изменения в международных отношениях объясняются изменением интересов, появляющихся в результате формирования новой идентичности [2, с. 6–7]. Именно идентичность задает рамки международной политики, создает новые категории транснационализма [3, с. 1]. Теория международных отношений все чаще ставит вопросы о формировании и присвоении идентичности, о влиянии этих процессов на устойчивость политических альянсов, на развязывание войн, на способы привлечения инвестиций. Только изучив проблемы идентичности, можно понять современный мир [4, с. 290].

Стратегическое управление процессами в системе международных отношений, в политической сфере, в территориальном развитии России неизбежно потребует учета фактора не просто идентичности, а региональной идентичности. И здесь важно, что региональная идентичность – процесс управляемый и, более того, конструируемый. Понимание природы региональной идентичности позволяет оказывать существенное влияние на процессы мирового развития в условиях глобализирующегося мира.

Региональная идентичность долгое время практически не привлекала внимание исследователей, в отличие от национальной идентичности [5, с. 87], несмотря на то, что между этими видами коллективной идентичности существует тесная взаимосвязь, а региональная идентичность, по мнению некоторых исследователей, исторически первичнее национальной бытия [6, с. 59]. Однако в последнее время появляются новые работы как зарубежных, так и отечественных авторов, посвященные изучению различных аспектов региональной идентичности. Интерес исследователей объясняется возросшим значением роли регионов в современном мире, потребностями развития межгосударственного взаимодействия. Политику делают, точнее, будут делать в XXI в. регионы – широко распространенное мнение современных авторов (см., напр.: [7, с. 147; 8, с. 19]).

Для современных исследователей вопрос об особенностях таких видов идентичностей, как региональной, локальной и территориальной, остается дискуссионным. В данной работе мы не ставили перед собой цель выявления специфики этих видов коллективной идентичности и рассматриваем их как взаимозаменяемые понятия. Среди исследователей нет и единого мнения о том, что в целом подразумевать под феноменом региональной идентичности. Часть исследователей отождествляет региональную идентичность с национальной, противопоставляя ей цивилизационную (например, рассматривая роль региональной идентичности (французской, германской и т. д.) в Европейском Союзе) [9, с. 35–59]. Другие исследователи считают региональную идентичность суммой общих черт национальных идентичностей, носители которых проживают на определенной территории. Например, центральноевропейская идентичность есть осознание общности судеб центральноевропейских народов и вытекающая отсюда их деятельность по развитию взаимного сотрудничества, отстаиванию в отношениях с третьими странами или международными объединениями согласованного регионального подхода [6, с. 59]. Для третьих основание для возникновения и функционирования региональной идентичности есть факт принадлежности к некой территории, субъекту Российской Федерации, группе субъектов (например, уральская) или части субъекта (чаще всего – столицы субъекта) (см., напр.: [10]). С нашей точки зрения, региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами.

Региональная идентичность по своей сути является «субидентичностью», всегда подразумевающая наличие большей общности («мега-общности»), в которую носители конкретной локальной идентичности включены как Свои. Таким образом, региональная идентичность проявляется и на международном уровне, и в рамках отдельного государства. Априорная «бивалентность» локальной идентичности, предполагающая связь ее носителя с двумя общностями, одна из которых включает другую в полном объеме, отличает региональную идентичность от других видов коллективной идентичности. Так, носителю вологодской идентичности автоматически приписывается российская идентичность, носителю голландской – европейская и т. д.; тогда как гендерная, национальная, профессиональная, религиозная, политическая принадлежности такой связи, за редким исключением, не имеют. Действительно, принадлежность к общности женщин не ведет к автоматическому включению в ряды русских, православных и т. д.

Э. Смит относит территориальную идентичность наряду с гендерной к числу фундаментальных в структуре идентификационной матрицы человека (цит. по: [11, с. 39]). Однако степень актуализации локальной идентичности в разных регионах различна (калужская идентичность гораздо реже актуализируется, нежели, например, московская). Мы предполагаем, что положение локальной идентичности в пирамиде идентичностей социального субъекта зависит от следующих факторов:

– от того, насколько совпадает территория региона с областью расселения этноса, т. е. степень гомогенности и особенности Своих на основе этнического критерия. Отметим, что этнический компонент придает «естественность» ре-

гиональной идентичности. Вера в наличие естественных связей между членами этноса предстает в сознании социального субъекта как естественная данность, не подлежащая рефлексии. «Быть урожденным» – идея, благодаря которой любая система категорий неизбежно будет выглядеть естественной», – пишет К. Вердери [12, с. 297];

– от того, насколько различаются соседние регионы по этническому, экономическому и др. критериям, т. е. от степени выраженности Чужих, а также наличия внешних границ (близость внешних государственных Чужих и роль региональных Своих во взаимодействии с ними);

– от того, насколько престижно обладать данной идентичностью, каков ее социальный ресурс (престижность локальной идентичности, ее способность удовлетворять интересы); от экономической самостоятельности региона;

– от степени укорененности населения и стабильности административно-территориального деления, наличия культурно-исторических предпосылок;

– от степени усилий региональной элиты (властной и интеллектуальной) по конструированию локальной идентичности, эффективности работы в этом направлении транслирующих институтов (СМИ, школ, вузов). Институализация региональной идентичности необходима для легитимации региональной власти. Как пишет К. Вердери, будучи институционализированной, идентичность закладывает основы власти и легитимности, задавая им категории, которым придается одновременно естественный и социально реальный характер [12, с. 297].

Здесь уместно привести успешный опыт легитимации региональной идентичности в среде подрастающего поколения через игру. «Тайны Екатеринбурга» – познавательно-развлекательная игра, предназначенная для школьников от восьми до шестнадцати лет. В основу игры положены известные и неизвестные, но интересные факты из истории и современности столицы Свердловской области. Игровое поле – карта города с отмеченными основными достопримечательностями Екатеринбурга (культурные и исторические центры уральской столицы). Таким образом, играя, дети знакомятся с историей родного города, что должно стимулировать чувство сопричастности к истории родного края и пробудить любовь к своей малой Родине и гордость ею. Другими словами, дети включены в процесс конструирования региональной идентичности.

Обозначенные выше пять предпосылок актуализации региональной идентичности предполагают возможность выработки на их основе механизмов конструирования новой локальной идентичности и механизмов большей актуализации уже существующей. Практика предлагает примеры положительных последствий усиления региональной идентичности. Так, усиление региональной идентичности позволило взять под контроль конфликт в Северной Ирландии [7, с. 151–153]. Однако чрезмерная актуализация региональной идентичности может привести к утрате социально-политической стабильности, обращению к механизмам этнического и иных «очищений», при которых культура локальной общности объявляется абсолютной ценностью, а главной задачей провозглашается защита от влияний Чужих. Такая политика неизбежно провоцирует внутренние конфликты, вплоть до вооруженных столкновений, и даже распад единого государства (например, Югославия, СССР, последствия сепаратистских

движений, в том числе чеченского). Таким образом, необходим четкий контроль в использовании ресурсов для конструирования или актуализации региональной идентичности, так как от этого зависят безопасность и стабильность не только региона.

О наличии региональной идентичности в России существует две точки зрения. Согласно первой, региональной идентичности у россиян нет; согласно второй – она есть, но менее слабо выражена из-за исторических условий. Ряд авторов отрицает существование российской региональной идентичности, говоря о «кризисе идентичности», пиаре «потемкинской деревни, которая исчезнет без Потемкина», отсутствии символического смысла у российских регионов, неструктурированности и отсутствии импульса саморазвития, отсутствию у русских «архетипа дома» и самого понятия «малая родина» [13, с. 62; 14, с. 91–95; 15, с. 100–104]. Действительно, в России практически отсутствует характерный для большинства европейских государств феномен исторических (культурных) провинций – компактных, с определенными границами, центрами, символами, ярко выраженным самосознанием, сформировавшихся много веков назад [5, с. 88–89]. Кроме того, российские регионы имеют разные основания для формирования. Одни являются только административно-территориальными единицами (области), другие – местом проживания определенного этноса. Русской культуре свойственны относительно слабые реакции на географические реалии – расстояния, рубежи, специфику места [16, с. 108–115]. Эти реакции по сравнению со многими другими народами (например, с американским) у русских явно ослаблены. Однако в последнее время можно наблюдать неуклонный и быстрый рост региональной идентичности в России. С точки зрения О.И. Шкаратана, региональная идентичность в России начала создаваться с конца XX в. – на базе качественно новых городских локальных субкультур [17, с. 55]. Отметим, что согласно социологическим исследованиям, наиболее актуализирована идентичность в тех регионах, где достигнут оптимум между традицией и модернизацией [18, с. 20], что говорит о локальной идентичности как о маркере успешности региона.

Региональная идентичность обладает тремя основными свойствами: референтность, гетерогенность и динамичность. *Референтность*. Обретение идентичности неосуществимо вне коммуникации и сравнения с аут-группой. Только во взаимодействии с Чужими общность обретает свои признаки. Референтность проявляется и в том, что при смене идентичности, при отрицании прежней новая идентичность всегда опирается на предыдущую. Например: Мы, «новые» россияне, есть не Они, т. е. не советские люди, «совки»; или Мы, американцы, не такие, как Они, т. е. не европейцы. Итак, для идентичности необходимы Чужие и чувство инаковости [19, р. 10–11]. О референтности региональной идентичности свидетельствуют обозначенные факторы ее актуализации. Именно наличие четко дифференцируемых Чужих (как региональных, так и внешних государственных) позволяет осознать Своих. Известно, что наличие границы с внешними Чужими усиливает региональную идентичность. Более того, внешние границы способствуют не только более четкому определению Своих-Чужих, росту региональной идентичности, но и являются значимым фактором роста сепаратизма [20, с. 91]. Другими словами, категоризация Своих через

сравнение с внешними Чужими провоцирует отделение Своих от внутренних Чужих. Внутренних референтных групп для региональных Своих может быть несколько. Согласно исследованиям, в многонациональном Татарстане региональная идентичность востребована не только ввиду наличия у нее социального ресурса, усилий региональной элиты, но и так как кроме легко определяемых внешних референтных групп, с которыми осуществляются постоянные связи и сравнения, есть ряд внутриреспубликанских общностей, прежде всего этнорегиональных, каждая из которых имеет возможность отношений с другими [21, с. 136–152].

Рассматривая свойство *гетерогенности*, необходимо остановиться на двух аспектах. Во-первых, создание и функционирование социума предполагает наличие норм и эталонов. В качестве Своих репрезентируются не все формальные члены ин-группы. Значимые отклонения от признанной нормы выводятся за символические границы. В результате социум представляется состоящим из «более» и «менее Своих» (в зависимости от степени близости к эталону), а аут-группы – из «более» и «менее» Чужих. Во-вторых, эталон – это *вариант* совокупности идеальных черт, и в социуме может функционировать одновременно несколько эталонов.

Наличие для региональной идентичности нескольких вариантов референтных групп связано с тем, что данная идентичность является «субидентичностью». Именно эта особенность влияет на повышенную *гетерогенность* региональных Своих-Чужих. Региональным Своим противопоставляются Чужие не только по критерию локализации, т. е. представители других регионов, но и внешние Чужие. Чужими выступают представители центральной власти, именно с Центром поддерживаются тесные контакты, на него ориентируются, с ним сравнивают, с ним же может идти явная или скрытая борьба за распределение власти и ресурсов. Обострение отношений центр-провинция характерно и для областей, и для республик РФ. Исследования фиксируют ревниво-недоброжелательное отношение к Москве. Провинция считает себя истинными Своими, она – настоящая, коренная Россия, за Москвой отрицается право называться Россией [22, с. 71]. Однако столица выступает своего рода эталоном, эталоном цивилизованности [23, с. 230, 234]. Поэтому к особенностям региональной идентичности можно отнести то, что происходит сравнение Своих с внешним эталоном, который не всегда позитивно оценивается. Более того, Центр часто репрезентуется как Враг, препятствующий наступлению светлого будущего для региона. В качестве его противника, защитника интересов и Героя выступает региональный лидер, которому приписываются «традиционные» богоизбранность, близость к народу и другие черты, свойственные Герою [24, с. 104–105].

Возможно выделение внутрирегиональных Своих-Чужих по принципу центр-периферия. Важно, что оппозиция центр-периферия понимается не только в пространственно-географическом отношении, но и в связи с близостью или удаленностью от средоточий разного рода ресурсов и взаимодействий [25, р. 34; 26, р. 170]. Излишняя гетерогенность Своих не способствует актуализации региональной идентичности (так, в результате длительной внутренней миграции населения в Ивановскую область ярко выраженных представлений о малой родине не сформировалось). Включенность в «мега-общность» может

способствовать гомогенизации Своих-Чужих, когда все внутренние границы Своих-Чужих отменяются и остается лишь внешняя граница, продуцируемая идентификацией с «мега-общностью» (например, мобилизация представителей всех регионов в борьбе с внешней угрозой, поддержка спортсменов на соревнованиях).

Контекстуальность и динамичность. Содержание конструкта региональных Свои-Чужие, критерии включения/исключения зависят от конкретной ситуации, от временного и социального контекста, интересов, конструирующих ее акторов. Под региональной идентичностью понимаются изменяющиеся и динамичные явления, нежели зафиксированные неизменные пространства с четкими границами [27, р. 59]. Смена места жительства – уже достаточное условие для новой локальной идентичности. Кроме того, в результате властных решений возможна ситуация проведения новых границ или, наоборот, объединения регионов. Как правило, это влечет за собой направление средств на конструирование новой региональной идентичности. Однако, несмотря на динамизм региональной идентичности, институт «землячества» продолжает функционировать на протяжении многих поколений в самых различных сферах (например, профессиональной, армейской). Устойчивость региональной идентичности исследователи объясняют по-разному. Чаще всего источник устойчивости – особенности социального бытия (рыхлость государственно-территориального устройства, разрыв экономических и культурных связей между регионами и центром и т. д.) [22, с. 49], иерархия разделения труда (концепция «внутреннего колониализма» М. Хечтера) (цит. по: [11, с. 39]). В целом среди исследователей нет единого ответа на вопрос: региональная идентичность – временное явление, характерное для переходных периодов, или это глобальный процесс с многовековой историей [5, с. 87; 6, с. 60]? И на другие вопросы: является ли она свидетельством массовой архаизации сознания или эффективным средством стабильности и безопасности, является ли она признаком застойности общностей, их стагнации или слабости или же это признак их долговременной результативности, внутренней мощи [28, с. 13; 23, с. 47]? Мы рассматриваем региональную идентичность как постоянный процесс, но ввиду ее динамичности и контекстуальности степень актуализации может сильно варьироваться в различные периоды времени и в различных регионах.

Среди исследователей нет единого мнения о структуре коллективной идентичности [29, с. 211; 30, с. 166,168]. В нашей работе выделим формальный и содержательный компонент региональной идентичности, последний содержит интересы, нормы и ценности, пространственно-временной элемент, представления о месте Своих в социальном пространстве. Все компоненты оказывают взаимное влияние друг на друга.

Роль властной и «символьной элиты» (см., напр.: [21, с. 122]) в конструировании локальной идентичности трудно переоценить. Поэтому их интересы выступают важнейшим компонентом региональной идентичности. Соответственно, *интересы* региональной элиты и населения, их соотношение с интересами Центра – важнейшая составляющая локальной идентичности. Интересы Центра и региона довольно часто не совпадают или же население региона может абсолютно индифферентно относиться к интересам Центра. К примеру,

социологические опросы в Калининградской области показывают, что в случае провала усилий по безвизовому транзиту население во все большей степени «замкнется» в региональной общности, самоидентифицируемой как «самостоятельная и западная». В любом случае, интересы – важнейшая составляющая региональной идентичности. Л. Сагитова даже называет их динамической составляющей процесса формирования региональной идентичности [31, с. 78]. Интересы элиты определяются ее целями, внутренними характеристиками, характером отношений с Центром. Именно для реализации своих интересов создаются, объединяются и отделяются регионы.

Локальные *нормы и ценности*, как правило, имеют отличия от чужих, более того, ввиду чрезвычайной гетерогенности региональных Своих-Чужих, могут различаться даже внутри региона. Важнейшая норма отношения с региональными Чужими, способствующая сохранению стабильности общности, интегрированная в «мега-общность» – толерантность. Наличие внешних отношений, т. е. с внешними Чужими, – важнейший фактор конструирования региональной идентичности, осознания Своих. Отношения строятся с федеральным Центром, с другими регионами, с другими государствами или иными субъектами международных отношений. Внешние связи способствуют формированию адекватной самооценки, дают опыт политического позиционирования [32, с. 13–14]. На систему отношений между локальными Своими и Чужими и внешними Чужими значительное влияние, кроме исторически сложившихся норм, оказывают элиты. Конструируемая ими система отношений закрепляется и легитимируется посредством идеологии, что в свою очередь формирует и поддерживает внутреннюю иерархию, систему господства-подчинения. Отношения регион-Центр преимущественно носят персонифицированный характер [33, с. 175]. Таким образом, представитель верхушки иерархии Своих выступает транслятором и защитником интересов региона. Что касается региональных стереотипов, то они широко распространены («Иваново – город невест», «в Самаре самые красивые девушки»).

Пространственно-временной элемент региональной идентичности – один из определяющих. В каждом регионе бережно хранится память об общем историческом прошлом, подчеркивается его уникальность, древность, отличительность от соседних. В случае отсутствия древней истории, ввиду ее большого социального капитала, она может быть создана заново (например, «удревнение» столицы Татарстана, когда Казань стала древнее Москвы). Конструироваться может и общность происхождения. В Бурятии дискусируется вопрос о генетической близости бурят и ряда азиатских народов, в Татарстане доказывается происхождение индейцев Америки от тюрских племен и близость этоса североамериканских бизнесменов с этосом болгарских и татарских купцов. Еще пример: идея об особости уральского субэтноса. Некоторые ученые Уральского отделения РАН и губернатор Свердловской области стали проводить мысль о том, что уральцы отличаются от остальных россиян антропологически, психологически и по своим деловым качествам. Это объяснялось, в частности, тем, что на территории Урала в древнее время проживали арии со столицей в Аркаиме. Востребована и идея об автохтонности современного населения (русского населения в Оренбуржье) [24, с. 102–103]. Распространена идея «жерт-

венности» своего региона в прошлом или настоящем (см., напр.: [21, с. 114]). В современной России функционирует представление о своем регионе как о богатом регионе, ограбленном Москвой (идея жертвы и гонений) (см., напр.: [34, с. 30–35]). В целом региональные представления о времени имеют много общего с национальными (идея о прошлом как «золотом веке», о настоящем как времени упадка и о «светлом будущем» своей малой Родины, когда может повториться «золотой век») [24, с. 99–100].

Фактор пространства находит максимальное выражение в региональной идентичности, так как именно место рождения и проживания является основой идентификации. В пространственном образе своего региона может присутствовать сравнение со Значимым Чужим. Например, Санкт-Петербург – «северная Венеция», Москва – «Третий Рим», Нижний Новгород – «русский Детройт», Иваново – «русский Манчестер». Идея границ важна для локальной идентичности и особенно востребована в пограничных регионах. Широко распространен образ своей территории как «заставы», «ворот», «коридора» (Санкт-Петербург – «окно в Европу»; Оренбург – «ворота России в Азию», «русский коридор»; Дальний Восток – форпост, защищающий Россию от «желтой угрозы», Центральная Европа – мост, барьер, санитарный кордон между Востоком и Западом) (см., напр.: [34, с. 35–39; 35, с. 79]).

Вопроса о представлении *места своего региона в мире* мы уже касались выше (представление о своем регионе как жертве, как о «фортпосте»). В этот же ряд представлений можно включить видение вклада своего региона в политические, экономические, спортивные и др. успехи всей страны, его связующая роль с зарубежными странами и т. д. Особый статус подчеркивается приписыванием территории региона некой неординарной роли в экономике. «Урал – становой хребет (или опорный край) державы». «Урал! Опорный край державы, ее добытчик и кузнец» – строки из стихотворения А. Твардовского. Показательно также, что по проекту геральдической комиссии Свердловской области фраза «опорный край державы» заменила традиционное «Свердловская область» на новом областном гербе.

Подобно национальной идентичности, региональная идентичность содержит представления о миссионерстве Своих. Примером могут служить попытки воссоздания в Нижнем Новгороде традиции проведения нижегородской ярмарки, бывшей до 1917 г. экономическим авангардом России [24, с. 101]. В целом символическое позиционирование региона предполагает наличие идей, реализация которых позволяет региону выделиться из десятков других, мобилизует население и элиту.

Объективно особое положение региона упрощает процесс формирования идентичности (что и рассматривалось выше). В этом случае региональная элита лишь институционализует, а не создает заново «уникальность» региона. Уникальности региона способствуют особое приграничное положение региона, соседство, уникальность географических и климатических условий (наличие курортов и потенциала для развития туризма, потенциал природных ресурсов и др.) и т. д.; древняя история, наличие опыта государственности; высокий уровень социально-экономического развития и роль донора в формировании бюджета. Вклад региона может быть и кадрового характера. Так, в Екатеринбурге и

Санкт-Петербурге распространено суждение о своем регионе как о «кузнице лидеров федерального масштаба» начиная с президента и заканчивая другими важными постами в политической элите страны. Как иллюстрация – анекдот о том, что Екатеринбург получил звание города-героя, «А за что?» – За «взятие Москвы».

Распространена «самовозвеличивающая» тенденция, когда город объявляет себя столичным центром (Санкт-Петербург – вторая столица России, Нижний Новгород – третья столица России, Саратов – столица Поволжья, Красноярск – центр Азии) [5, с. 113]. Екатеринбург же позиционирует себя как трижды столица: столица региона, федерального округа и Урала, а также претендует на статус третьей столицы России после Москвы и Санкт-Петербурга. Важными основаниями «столичности» выступают находящиеся в городе многие общеправительственные организации, консульства ряда зарубежных стран (в том числе и США), а также построенный логистический центр.

Статус «столичности» становится фактором социально-психологического климата, влияющего, в свою очередь, на инвестиционную привлекательность. Это обстоятельство подчеркивает М. Портер: «Парадоксальным является то, что устойчивые конкурентные преимущества в условиях мировой экономики часто оказываются в большей степени локальными... Близость в географическом, культурном и организационном плане обеспечивает возможность специального доступа, особые взаимоотношения, лучшую информированность, возникновение мощных стимулов, а также другие преимущества в производительности и в росте производительности, которые сложно получить на расстоянии» [36, с. 245].

Для обозначения места своего региона часто используются «телесные» метафоры, особенно жизненно важных органов: головы, сердца, души «мега-общества». Свои – источник цивилизованности региона (в Оренбуржье распространена идея, что именно русские принесли в регион земледелие, промышленность, просвещение) [10, с. 67]. В целом представления о месте Своих в социальном мире провоцируют закрепление определенных статусов, что способствует функционированию системы господства-подчинения.

Символический компонент. Региональные символы обладают неязыковой сущностью и воспринимаются людьми как объективная реальность [37, р. 567]. Всевозможные региональные *ритуалы* консолидируют общность, определяют место региона в «мега-общности», подчеркивают его уникальность и самобытность. Любые ритуалы явно или опосредованно содержат оппозицию Свои-Чужие, в них часто происходит обращение к фигуре Героя и его победе над Врагами. Можно выделить политические/государственные ритуалы (ритуал инаугурации главы региона); религиозные (особенно если для региона характерна конфессиональная отличительность от «мега-общности»); ритуалы, посвященные торжественным датам (дни рождения региона и городов, подчеркивающие статус и мощь региона, даты военных побед над внешним Врагом); чествование известных земляков-Героев; ритуалы, акцентирующие внимание на истории объединения или угнетения/порабления региона («круглые даты» вхождения регионов в состав России); ритуалы, воспевающие Героя-объединителя

или освободителя (Салават Юлаев – символ башкирского национального освобождения, имам Шамиль – в Дагестане).

Роль *внешнего вида* для обозначения Своих-Чужих неоднозначна в современных условиях. В прошлом костюмы разных губерний, мест были явными маркерами Своих-Чужих. Современная ситуация вносит коррективы. С одной стороны, идет процесс унификации, распространяется единый стандарт, с другой – достаточно активно осуществляются попытки сохранить внешнюю отличительность. На уровне субъектов РФ отмечается активная работа по введению региональной символики – гербов, флагов, гимнов. Тщательно разрабатывается символика в республиках, где она отражает культурные особенности титульного народа и напоминает символику независимых государств (Татарстан, Башкирия, Тува), а также в краях и областях [5, с. 116]. В роли локальных символов выступают различные достопримечательности, которые связаны с историей региона, подчеркивают его значимую роль в «мега-общности», равенство Центру, его уникальность (например, Кремль в Москве и в Нижнем Новгороде, Ипатьевский собор в Костроме и Ипатьевский дом в Екатеринбурге т. д.).

Язык относится к важнейшим механизмам конструирования идентичности как более интегрирующий, нежели дифференцирующий признак; он придает «естественность нации», соединяет прошлое и настоящее, создает властные отношения [38, с. 30–32]. Значение языка как маркера Своих и Чужих в различных регионах существенно отличается. Если регион не имеет значительных языковых отличий от общегосударственного или признанного межрегионального языка, то отличия сводятся к местным уникальным словам, выражениям, произношению. Однако незнание русского языка – достаточное условие для «чуждости» в Москве, но знание русского не является достаточным условием, чтобы быть Своим, москвичом. Другая ситуация складывается, если для региона характерна языковая отличительность. Реальное или вымышленное ущемление прав языка со стороны Центра часто становится исходным пунктом для конфронтации. С другой стороны, уважительное отношение к местному языку, признание Центром за ним права на автономию способствует интеграции региона в «мега-общность».

На уровне языка символизация проявляется и в перемене имен: регионы приобретают собственное название. Например, вместо «Краснодарского края» часто говорят «Кубань», а вместо Кировской области – Вятка, модифицируются названия ряда областей: говорят о Белгородчине, Брянщине, Орловщине, Псковщине, используются и географические имена регионов – Забайкалье (Читинская область), Южный Урал (Челябинская область) и т. д. Таким образом происходит утверждение уникальности региона.

Структурные элементы региональной идентичности местные элиты оставляют не только в статусе имиджевых показателей, но и направляют в сферы экономики, культуры и политики. Так, в Екатеринбурге, расположенным на Урале, между Европой и Азией, собственно Россией и Сибирью, открыта стела – символ границы Европы и Азии. Дальнейшая реализация проекта также приведет к появлению в Екатеринбурге огромной туристической площадки с многопрофильной инфраструктурой сферы торговли, услуг и развлечений. Уже сей-

час разработаны такие туристические маршруты, как «Европа-Азия», «Урал – граница двух континентов», «Одна нога в Европе, другая – в Азии».

Очевидно, что роль местной элиты в процессе создания и поддержания региональной идентичности переоценить трудно. Но также нельзя забывать о роли Центра в этом процессе, который должен координировать этот процесс в различных регионах. И здесь очень уместно присмотреться к опыту других стран, в том числе США.

Региональная идентичность в США начинает активно формироваться с момента освобождения от колониальной зависимости, и процесс этот успешно продолжается до сих пор. В результате США являются примером страны с наиболее укорененной и успешно функционирующей региональной идентичностью. Система внутренних символов регионов – штатов – является унифицированной, благодаря чему все территории предстают как бы в равных весовых категориях. Процесс создания региональной идентичности происходит по принципу равного участия. Население штата использует и бережет региональные символы наряду с национальными, воспринимает их как отражение своей уникальности и непохожести на соседей. Так формируется местный патриотизм и гордость за свою «маленькую страну», т. е. региональная идентичность.

Такой колоссальный символический капитал создается в американских штатах не без внимания со стороны федеральных властей. К примеру, достаточно широко известна американская «State Quarters Program». Согласно ей в 1999 году государственный монетный двор США начал программу по замене обращавшейся с 1932 года двадцатипятицентовой монеты на новые четвертаки (так называемые «квотеры») с символикой американских штатов [39]. Каждый год в обращение поступают пять новых монет. Первой была выпущена монета штата Делавэр, так как этот штат раньше других принял Конституцию США. В октябре 2008 года именную монету получают Гавайи как последний, пятидесятый по счету штат, вступивший в федерацию.

Важно, что выработка «уникальности» происходит совместными усилиями власти и общества. Например, квотер, посвященный штату Огайо, отмечает вклад штата в историю авиации. На монете изображен старинный самолет и астронавт, наложенные на контурную карту штата. Дизайн также включает надпись «Родина пионеров авиации». Губернатор Огайо Боб Тафт объявил конкурс на лучшую концепцию дизайна монеты в честь штата Огайо, в котором приняло участие свыше 8 тысяч проектов, большинство из которых содержали сюжеты из истории авиации и космонавтики.

Помимо побуждения земляческих чувств, монета как визитная карточка штата обеспечивает также и солидный доход бюджету. По прогнозам, к 2008 году казначейство заработает более шести миллиардов долларов на программе выпуска «штатных» квотеров. Как визитеров, так и граждан США буквально охватывает лихорадка и жажда собрать как можно больше разных монет, посвященных штатам.

Программа выпуска квотеров наглядно демонстрирует особенность процесса поддержания региональной идентичности в США. Во-первых, этот процесс санкционируется Центром. Во-вторых, в установленных рамках штат сво-

бодно создает свою символику. В-третьих, в этот процесс включены все без исключения пятьдесят территорий, входящих в союз на равных условиях.

В отличие от США, где повсеместный поиск региональной уникальности стимулирует Центр, в России, напротив, Центр пытается найти противовес этому процессу через формирование общенациональной идеи мифа. Разница видна, например, при сравнении «State Quarters Program» и ее российского «аналога». С 27 декабря 2005 г. Центральный Банк России ввел в платежный оборот памятные монеты из цветного металла с изображением региональных гербов номиналом 10 рублей, составивших серию «Российская Федерация». Впрочем, сначала выпущено было всего лишь шесть монет, посвященных следующим субъектам РФ: Ленинградской области, Тверской области, Орловской области, Краснодарскому краю, Республике Татарстан и Москве. Критерий выбора именно этих шести территорий остается неясным. На вопрос, почему бы эту программу не сделать аналогичной американской и не предоставить регионам право определения, что станет «лицом» их монеты, ответа нет. Это не только стимулировало бы региональный поиск уникальности, но и соответствовало бы логике демократического федеративного государства, предоставляющего равные условия для развития всех территорий.

Итак, результаты исследования показали, что региональная идентичность – реальный, а не виртуальный феномен, подразумевающий включенность Своих в «мега-общность» (в виду своей «субидентичности»). Четкая дифференциация Своих-Чужих, деятельность верхушки Своих, социальный капитал – факторы актуализации региональной идентичности. «Субидентичный» характер задает особенности основных свойств региональной идентичности (наличие многих референтных групп, повышенная гетерогенность, зависимость от внешних и внутренних условий). Такие структурные единицы региональной идентичности, как интересы, пространственно-временной элемент, представления о месте Своих в социальном мире, способствуют наибольшей интеграции Своих и отделение их от Чужих. Важно понимать, что региональная идентичность – это процесс, который может быть использован в самых разных целях. Наиболее эффективно конструирование региональной идентичности как «воли к жизни и развитию на данной территории», а не как «стратегии Обломова» или идеологии воинственного сепаратизма. Рационально сконструированная региональная идентичность способствует социокультурной, гражданской, политической и экономической активности ее носителей. Через усиление локальной идентичности региональные элиты – политические, экономические и интеллектуальные – добиваются решения прагматических задач, способствуют экономическому, социальному, культурному развитию территорий, содействуют повышению активности работы местного населения на благо территории, добиваются превращения данной территории в точку роста, в некий инновационный центр. В результате формирования позитивного стремления людей работать на благо своей территории уменьшается утечка «человеческого капитала» из региона. Кроме того, региональная идентичность играет большую роль при формировании позитивного имиджа территории, который транслируется во внешнее пространство. Это, в свою очередь, повышает инвестиционную привлекательность территории, привлекает дополнительные средства в регион, развивает локаль-

ный туризм, что улучшает инфраструктуру и повышает уровень жизни населения края. Важно понять, что Федеральный Центр, координируя действия местных элит по созданию региональной идентичности, способствует развитию национальной идеологии. Действительно, без любви и уважения к своему региону невозможно испытывать истинного чувства гордости за свою страну. Российская действительность представляет богатый материал для изучения региональной идентичности, ее углубленное исследование может способствовать разрешению внутренних конфликтов, развитию межрегиональных и межгосударственных отношений.

Summary

R.V. Penkovtsev, N.A. Shibanova. Comparative analyses of the regional identity's phenomena (Russia – EU – USA).

The problem of collective identity is an actual question of modern political science and international relations. The positive interaction of political practice and theory of regional identity is possible only under condition of joint efforts of Centre and regions. The knowledge of essence regional identity's construction, about its properties, structure and mechanisms of function is necessary for understanding and efficient control in sphere of the inter-regional and international relations.

Литература

1. *Pipes D.* Naming the Enemy // New York Sun. – 2004. – August 17.
2. *Hall R.B.* National collective identity. Social constructs and international systems. – N. Y.: Cambridge University Press, 2003. – 234 p.
3. *Wilson T.M., Donnan H.* Nation, state and identity at international borders // Border identities. Nation and state at international frontiers. – N. Y.: Cambridge University Press, 1998. – P. 1–29.
4. Теория международных отношений на рубеже столетий. – М.: Гардарики, 2002. – 362 с.
5. *Туровский Р.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М.: Гендальф, 1999. – С. 87–136.
6. *Желицки Б.Й.* Центральноевропейская идентичность и Венгрия // Междунар. историч. журн. – 2000. – № 11. – С. 59–79.
7. *Задорожнюк Э.Г.* Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Междунар. ист. журн. – 2000. – № 11. – С. 139–161.
8. *Новопашин Ю.С.* Новая региональная идентичность Центральноевропейских стран // Междунар. ист. журн. – 2000. – № 11. – С. 6–35.
9. *Коровицына Н.В.* Регион «догоняющей» модернизации: коммунистический и либерально-демократический опыт // Междунар. ист. журн. – 2000. – № 11. – С. 35–59.
10. *Косач Г.* Региональное «гражданское полиэтническое сообщество»: вариант Оренбургской области // Реальность этнических мифов. – М.: Гендальф, 2000. – С. 53–76.
11. *Большаков С.* Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. – 2003. – № 1. – С. 39–44.

12. *Вердери К.* Куда идут «нация» и «национализм»? / *Нации и национализм.* – М.: Праксис, 2002. – С. 297–307.
13. *Филиппов А.Ф.* Гетерономия родных просторов // *Отечественные записки.* – 2002. – № 6. – С. 48–62.
14. *Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // *Журн. социологии и социальной антропологии.* – 2003. – Т. 6, № 2. – С. 91–95.
15. *Глазычев В.Л.* Капитализация пространства // *Эксперт.* – 2004. – № 1. – С. 100–104.
16. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России.* – М.: МОНФ, 1999. – С. 108–115.
17. *Шкаратан О.Н.* Информационная экономика и пути развития России // *Мир России.* – 2002. – № 3. – С. 44–61.
18. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // *Социологические исследования.* – 2005. – № 3. – С. 13–23.
19. *Harle V.* The enemy with a thousand faces: the tradition of the other in western political thought and history. – Westport (Conn.): Preager, 2000. – 218 p.
20. *Дробижеева Л.* Возможность либерального этнонационализма // *Реальность этнических мифов.* – М.: Гендальф, 2000. – С. 77–94.
21. *Социальная и культурная дистанции: опыт многонациональной России / Под ред. Л.М. Дробижеевой.* – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. – 388 с.
22. *Бызов Л.* Кризис идентичности и его истоки // *Российское общество: становление демократических ценностей?* – М.: Гендальф, 1999. – С. 43–86.
23. *Енина Л.В.* Оппозиция «провинция-столица» в журналистском тексте // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2003. – С. 228–240.
24. *Ачкасов В.А.* Политическое мифотворчество как способ выражения региональных интересов // *Журн. социологии и социальной антропологии.* – 2002. – Т. 5, № 3. – С. 96–107.
25. *Eisenstadt S.* Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations. – N. Y.: Free Press, 1979. – 348 p.
26. *Rokkan S.* Territories, Centers and Peripheries: Towards a Geoethic – Geoeconomic – Geopolitical Model of Differentiation within Western Europe // *Centre and Periphery: Spatial Variation in Politics.* – London: Sage Publications, 1980. – P. 163–204.
27. *Castells M.* The Power of Identity. Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell Publishers, 1997. – 461 p.
28. *Мельянцев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии; экономика, история и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 303 с.
29. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999. – 320 с.
30. *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
31. *Сагитова Л.В.* Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // *Центр и региональные идентичности в России. Сер. «Труды факультета политических наук и социологии».* – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. – Вып. 11. – С. 77–124.

32. *Борисов С.* Внешнеполитическая деятельность российских регионов как атрибут их политической самоидентификации // Что хотят регионы России? – М.: Гендальф, 1999. – С. 12–25.
33. *Панов П.В.* «Централизация» глазами регионалистики // Полис. – 2004. – № 5. – С. 174–177.
34. *Бляхер Л.Е.* Политические мифы Дальнего Востока // Полис. – 2004. – № 5. – С. 28–39.
35. *Косач Г.* Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями // Что хотят регионы России? – М.: Гендальф, 1999. – С. 78–91.
36. *Портер М.* Конкуренция. – М.: Вильямс, 2002. – 496 с.
37. *Dittmer L.* Political culture and political symbolism: toward a theoretical synthesis // World Politics. – 1977. – V. 29, No 4. – P. 552–583.
38. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.
39. The United State Mint. 50 State Quarters Program [Электронный ресурс] / Материалы официального сайта Казначейства США. – Режим доступа: http://www.usmint.gov/mint_programs.

Поступила в редакцию
08.02.07

Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казанского государственного университета.

Шибанова Наталья Александровна – кандидат философских наук, сотрудник Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета.